

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Приключения Саида, стр. 10

– Скажи, куда ты упрятал Саида? – спросил калиф судью. – Скажи, куда надо за ним послать, чтобы он мог дать мне свои показания?

– Я отослал его на пустынный остров, – ответил судья.

– О Саид! Мой сын, мой сын! – обливаясь слезами, приговаривал несчастный отец.

– Так, значит, он сознался в краже? – допрашивал Гарун.

Судья побледнел, он не знал, куда деть глаза, наконец он сказал:

– Если я не ошибаюсь, то – да.

– Значит, ты в этом не уверен? – грозно спросил калиф. – В таком случае спросим его самого. Выходи, Саид, а ты, Калум–бек, раз он здесь, выплати сейчас же тысячу золотых!

Калум и судья думали, что перед ними привидение. Они упали на колени и молили: «Смилуйся! Смилуйся!» Бенезар, обессилев от радости, поспешил в объятия вновь обретенного сына. Калиф с непреклонной строгостью спросил:

– Судья, Саид тут, он признал себя виновным?

– Нет, нет, – слезно вопил судья, – я выслушал только показания Калума, ведь он именитый купец.

– Разве для того я поставил тебя судьей надо всеми, чтобы ты выслушивал только знатных? – в порыве благородного гнева воскликнул Гарун аль–Рашид. – Я ссылаю тебя сроком на десять лет на пустынный остров в открытом море. Там у тебя будет время поразмыслить о справедливости; а ты, жалкий человек, ты возвращаешь к жизни умирающих не для того, чтобы их спасти, а для того, чтобы сделать их твоими рабами, ты, как уже было сказано, выплатишь тысячу туманов, ведь ты обещал их, если явится Саид и даст свои показания.

Калум обрадовался, что так дешево отделался, и уже собрался поблагодарить доброго калифа, но тот еще не кончил свою речь:

– За ложную клятву о ста золотых туманах получишь сто ударов по пяткам. А затем предоставляю Саиду на выбор – или забрать твою лавку, а тебя сделать упаковщиком и носильщиком, или же получить с тебя десять золотых за каждый день, что он прослужил у тебя.

– Отпустите негодяя, калиф! – воскликнул юноша. – Мне не надо ничего, что принадлежит ему.

– Нет, – возразил Гарун. – Я хочу, чтобы ты был вознагражден. Я выбираю вместо тебя: десять золотых за каждый день, а ты уж сам подсчитай, сколько дней был у него в лапах. А теперь уведите этих негодяев!

Их увели, а калиф пошел с Бенезаром и Саидом в другой покой; там он рассказал счастливому отцу о своем чудесном спасении, и только время от времени его прерывали вопли Калум–бека, которому во дворе как раз отсчитывали сто полновесных золотых по пяткам.

Калиф пригласил Бенезара на житье в Багдад. Тот согласился и только ненадолго съездил на родину за своим немалым добром. Саид зажил, как принц, во дворце, который ему построил благодарный калиф. С братом калифа и сыном великого визиря он был в большой дружбе, и в Багдаде вошло в поговорку: «Быть бы мне таким добрым и счастливым, как Саид, сын Бенезара».

– При таком занимательном времяпрепровождении я не то что одну, а две, три ночи, а придется, так и больше, глаз не сомкну, – сказал мастер, когда егерь окончил, – и не раз уже я в этом убеждался. Работал я одно время подмастерьем у литейщика колоколов. Литейщик был человек богатый и не скряга. Но вот как–то, когда он получил крупный заказ, нас очень удивила совсем непривычная для него скупость. Отливали мы колокол для новой церкви, и мы, ученики и подмастерья, всю ночь должны были сидеть у горна и поддерживать огонь. Мы, конечно, ожидали, что мастер почнет свой заветный бочонок и поставит нам свое лучшее вино. Но не тут–то было. Он каждый час подносил нам круговую чарку, и только, а сам все рассказывал и о годах своих странствий, и всякие истории из своей жизни; его примеру последовал старший подмастерье, а потом по череду и все остальные. Мы и не заметили, как настал день. Тут–то мы поняли хитрость мастера: он хотел, чтобы за разговорами мы позабыли о сне. А когда колокол был готов, он не пожалел вина и с лихвой возместил то, что не додал той ночью.

– Ваш мастер был человек разумный, – заметил студент. – Против сна нет средства лучше, чем разговор. Мне потому не хотелось оставаться этой ночью в одиночестве, что к одиннадцати часам меня уже одолевает сон.

– И крестьяне тоже это смекнули, – сказал егерь. – Длинными зимними вечерами, когда прясть уже приходится при свете, женщины и девушки не сидят по домам, потому что там они заснули бы за прялкой; нет, они собираются у кого–нибудь на посиделки и там за работой рассказывают друг другу всякую всячину.

– Да, – вступил в разговор возчик, – порой просто жуть берет, такие страхи они рассказывают об огненных духах, что бродят по свету, о домовых, что по ночам поднимают возню в кладовой, о привидениях, что пугают людей и скотину.

– Ну, это, конечно, не слишком приятное развлечение, – возразил студент. – Мне, должен признаться, ничто так не противно, как рассказы о привидениях.

– А по мне как раз наоборот, – сказал мастер. – Мне особенно приятно слушать страшные рассказы. Вроде как спать при дожде под крышей. Слышишь, как дождь стучит по черепицам: кап–кап... кап–кап, а ты лежишь в сухости и тепле. Когда при свете и в компании слушаешь рассказы о привидениях, тебе приятно и совсем не страшно.

– Ну, а потом как? – спросил студент. – Разве тот, кто питает нелепую веру в привидения, не будет дрожать от страха, ежели останется один впотьмах? Разве не будет он вспоминать всю ту жуть, что слышал? Когда я вспоминаю свое детство, рассказы о привидениях и по сей день еще вызывают во мне неприязнь. Я был веселым, живым ребенком и, вероятно, не таким спокойным, как то хотелось бы моей кормилице. А она не придумала ничего лучше, как пугать меня, чтобы утихомирить. Она рассказывала страшные сказки про всякую нечисть, про ведьм, которые, как она говорила, водятся в доме, и, когда кошки подымали возню на чердаке, она боязливо шептала: «Слышишь, сынок? Вот он, мертвец–то, опять вверх и вниз по лестнице ходит. Голову свою он несет под мышкой, а глаза все равно горят не хуже фонарей, вместо пальцев у него когти, кого он поймает в темной комнате, тому свернет голову».

Собеседников его рассказ насмешил, а студент продолжал:

– Я был еще слишком мал и не мог понять, что все это не правда, а выдумки. Я не боялся самой большой охотничьей собаки, любого товарища моих детских игр мог повалить на песок, но в темной комнате зажмуривал глаза, думая, что сейчас подкрадется мертвец. Дошло до того, что, когда стемнеет, я уже не соглашался один без свечи выйти за дверь. И как бывало отец меня наказывал за такое непослушание! Я долго не мог отделаться от этого детского страха, а виновата была только моя глупая кормилица.

– Да, это большая ошибка – забивать ребенку голову таким суемудрием, – заметил егерь. – Могу вас уверить, что знавал смелых, решительных людей, охотников, которые не побоялись бы и трех врагов, а в ночную пору, когда они подкарауливали в лесу дичь или браконьеров, на них, случалось, вдруг напал страх; дерево представлялось им страшным привидением, куст – ведьмой, а два светлячка –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

глазами подстерегающего их в темноте чудовища.

– Я считаю подобные рассказы чрезвычайно вредными и глупыми для всякого, не только для детей, – сказал студент. – Ну станет ли здравомыслящий человек рассуждать о повадках и сущности тех, что живут лишь в воображении глупца? Привидения являются ему одному и никому больше. Но всего вреднее такие рассказы для сельского люда. В деревнях упорно живет твердая вера в

[Назад](#) << [1](#) ... [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) 10 [11](#) >> [Дальше](#)